

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Реутовой Майи Анатольевны
на тему

«Проблема памяти в русской литературной антиутопии XXI века»,
представленную на соискание ученой степени кандидата наук по научной
специальности 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

Рецензируемая диссертация представляет собой анализ различных проявлений художественного времени и памяти в русских антиутопиях XXI века. Материалом исследования послужили следующие антиутопии, завершенные и опубликованные в 2000–2021 годах: роман «Кысь» (2000) Т.Н. Толстой; В.Г. Сорокина «День опричника» (2006) и «Сахарный Кремль» (2008); «Щастье» (2010) Фигля-Мигля и «Transhumanism Inc.» (2021) В.О. Пелевина. Диссертация состоит из трех глав, введения, заключения и одностраничного приложения. Библиография достаточно представительна и насчитывает 203 источника, если считать художественные тексты.

Новизна исследования заключается в том, что проблематика времени (в частности, ахронии) и памяти прежде не рассматривалась на таком материале. **Актуальность** исследования обусловлена не только вполне очевидной растущей популярностью антиутопий, что верно подмечено М.А. Реутовой, но и растущей популярностью такой научной тематики. Существует несколько обществ, занимающихся изучением утопий: Society for Utopian Studies, публикующее авторитетный академический журнал Utopian Studies; Ralahine Centre for Utopian Studies (Ирландия); European Utopian Studies Society. Особо плодотворными в смысле количества исследований об утопии оказались 1960-е гг., когда появились, такие классические труды, как «История утопий» Л. Мамфорда, «Будущее как кошмар» Хиллегаса и «От утопии к кошмару» Уолша, а также сборник «Утопии и утопическое мышление» под редакцией Фрэнка Манюэля и пр. Все эти классические труды внимательно проработаны диссертанткой. В России всплеск интереса к утопиям пришелся на 1980-е гг. В последние годы отечественные литературоведы значительно продвинулись в этом направлении, в особенности в том, что касается русского утопизма и его взаимосвязей с зарубежными утопиями. Впрочем, далеко не все многочисленные отечественные диссертации и статьи на эту тему, к сожалению, дотягивают до теоретического уровня соответствующих зарубежных исследований.

Первая глава диссертации М. А. Реутовой представляет собой рассуждения о теориях утопических жанров, в особенности антиутопии. Также она содержит

изложение теорий хронотопа, времени и памяти. В той же главе представлены вполне уместные экскурсы в историю утопических жанров, в том числе утопии как таковой (евтопии) и антиутопии, а также апокалиптической, точнее, пост-апокалиптической прозы, в том числе западной. Компаративистский и диахронический взгляд на русскоязычную антиутопическую (или дистопическую?) прозу последних двух десятилетий не просто уместен, но и необходим -- только таким образом можно оценить новаторство или вторичность новейших текстов.

Теоретическая значимость диссертации М.А. Реутовой заключается в осмыслении жанра антиутопии в связи с проблемой исторической и коллективной памяти. Именно в разделах, посвященных памяти (это тема Главы 2), наиболее очевидна новизна рецензируемой работы. Отталкиваясь от концепции, предложенной А. Эрл и А. Нюннингом, которые выделяют три специфические для литературоведения концепции памяти – память литературы (*memory of literature*); память в литературе (*memory in literature*) и литература как средство коллективной памяти (*literature as a medium of collective memory*) – диссертантка умело анализирует отобранный ею материал. Особенно мне импонирует мысль о том, что в антиутопиях кризис переживают все виды памяти: коллективная, историческая, информативная и креативная. Действительно, во всех отобранных произведениях можно наблюдать полную или частичную потерю, подмену или искажение памяти об отдельных периодах прошлого. Задача, которую сама себе задала М.А. Реутова, заключалась в том, чтобы определить взаимосвязь утраты и искажения памяти, с одной стороны, и приема смешения исторических эпох, с другой. Вторая глава целиком посвящена решению этой задачи. Предложенные результаты весьма впечатляющи. Будем надеяться, что диссертантка ими не ограничится, так как тема памяти и времени в утопии обширна и должна войти в копилку *memory studies*.

Глава 3. «Мифологические, сказочные и фантастические элементы в русской Антиутопии XXI века» помещает анализируемые предметы обсуждений в область фантастической литературы и в смежные сферы гуманитаристики, культуральных исследований. Обилие фантастических существ, монстров и волшебных предметов в анализируемых текстах объясняется «жанровой контаминацией, стремлением авторов заинтересовать более молодую аудиторию, привыкшую к чему-то необычному, новому и, порой, мрачному и тревожному». (с. 124) *Следует ли нам считать, что антиутопии надо бы записать по ведомству young adult fiction?* Или можно подобрать иные (не стратегические) объяснения? Быть может, ответы найдутся в трудах фантастоведов, никак не представленных в Библиографии диссертации.

Недостает и работ, относящихся к монстрологии (monster studies) и хонтологии (ghost studies). А между тем, эти области имеют прямое отношение к теме Третьей главы.

Нет в Библиографии и энциклопедий фантастики. А между тем, например, *Encyclopedia of Science Fiction* (имеется в свободном доступе online) содержит ценнейшие разделы, в частности, об утопических жанрах. Разделы эти написаны главными авторитетами в этой области гуманитаристики. Пригодился бы и раздел о таком жанре фантастики, как «альтернативная история». Не обнаруживаются в Библиографии и научные источники об Олдосе Хаксли и Джордже Оруэлле, к романам которых регулярно обращается М. Реутова. Нет там и новейших монографий об «антиутопиях». Взглянув на самые заметные публикации (*The Palgrave Handbook of Utopian and Dystopian Literatures*; *Scraps of the Untainted Sky. Science Fiction, Utopia, Dystopia*; *Dystopia: A Natural History*; *Worlds Gone Awry: Essays on Dystopian Fiction*; *Desire and Empathy in Twentieth-Century Dystopian Fiction*; *Global Dystopias*), нетрудно заметить отсутствие термина «антиутопия» в названиях. Зато мы видим термин «дисто́пия», который используется для обозначения негатива, допфельгангера утопии. Диссертантка справедливо отмечает, что в русскоязычных исследованиях преобладает термин «антиутопия», в англоязычных работах — dystopia. В этом я вижу серьезную проблему, порой приводящую к хаосу. Реутова предпочла поставить знак равенства между этими терминами, считая, по всей видимости, что мы имеем дело с переводческим феноменом, т.е. видим dystopia – переводим «антиутопия». С таким подходом я согласиться не могу, так как среди современных ученых, активно работающих в области utopian studies, существует консенсус: *антиутопией* считается только текст, который направлен против конкретной утопии, равно как и против утопического мышления в принципе. Именно потому «Дивный новый мир» - антиутопия или сатирическая утопия, мениппея. Как пишет один из главных теоретиков утопических жанров Дарко Сувин (не в старой работе, включенной в Библиографию диссертации, а в новых своих исследованиях): «Термин «антиутопия» следует зарезервировать для определенного подраздела дистопий, написанных для предостережения от существующей утопии, а не (как в большинстве антиутопий) от существующего статус кво». В связи с этим возникает вопрос к диссертантке: как в свете новейших теорий следует определить жанр пяти отобранных ею текстов?

Следующая проблема касается «экстраполяции». В диссертации сказано, что «антиутопия обладает прогностической функцией (экстраполяцией)» (С. 33).

Проблема в том, что экстраполяция – вовсе не прогноз, что со всей очевидностью следует из классических трудов по теории SciFi.

Осталось высказать пару мелких замечаний и поправок. А) Героя «Дивного нового мира» Хаксли зовут не «Дикарь Джон», а «Джон Дикарь» (John Savage). Б) Этот роман переведен на русский язык не Сорокиным, а Сорокой.

В) Хорошо было бы указать фамилию переводчика не только в этом случае, но и в остальных. Ведь Оруэлл и Брэдбери не сами себя перевели. Г) Думается, рассуждая о романе Фигля-Мигля, можно обойтись без указания подлинной фамилии автора (Чеботарева) – не указываем же мы Самюэля Клеменса и Аврору Дюдеван вместо Марка Твена и Жорж Санд!

Высказанные замечания не умаляют достоинств работы М. Реутовой. А полемика, в которую я вступила с диссертанткой, показывает, что диссертация вызвала у меня интерес и стремление к дальнейшей дискуссии. В прояснении идей и фактов и есть назначение науки.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации на тему: ««Проблема памяти в русской литературной антиутопии XXI века» соответствует специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Диссертация Реутовой Майи Анатольевны является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний. Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук наук соискателем ученой степени мною не установлено

Диссертация Реутовой Майи Анатольевны соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры сопоставительного изучения
языков и культур

Санкт-Петербургского государственного университета
Головачева Ирина Владимировна

13.10. 2024

